

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ.

ИЗГНАНИЕ

К нам стали возвращаться вычеркнутые из официальной культуры имена. Я бы сказал: наконец-то мы обретаем свое родство. Освобождаемся от патологии урезанной памяти. Радость, горечь, боль, надежда... Сплетение противоречивых чувств, как неизбежное сопутствие прозрению.

Об этом много написано, сказано, снято. Доказывать необходимость процесса возвращения — уже даже странно. Однако существует некая опасность. Вполне реальная, а отнюдь не гипотетическая: впасть в эйфорию ликования, да при этом еще и себя не обделить высокими эпитетами. Дескать, какие же мы молодцы — вона что делаем! Долги мы отдаем, долги... Да, это проще всего — начать персонифицировать каждую трагедию отлучения художника. Искать самых-пре-самых виновных, чтобы обрушить на их головы свой праведный гнев.

Но существует и иной, на мой взгляд, более плодотворный путь — не отлавливать вчерашних "вершителей судеб", каждый из которых по сути является элементарной частицей глобальной лжи, а попытаться осмыслить наше прежнее (только ли?) состояние сознания, которое примирялось с гонениями на мысль. Которое делило правду на нужную и порочащую. Которое... а-а, да что там — сейчас любой разложит это понятие на составляющие. Не иронизирую — это действительно хорошо. Сомневаюсь, что достаточно.

Александр Аркадьевич Галич, в прошлом — благополучный драматург и сценарист, был вынужден в 1974 году выехать из СССР. Его затравили. От него "отделались". Но песни и стихи Галича, "ходившие" в народе много успешнее наших демократов прошлого века, выдворить (это слово стало тогда чуть ли не официальным термином) вместе с автором было невозможно. И сам он, живя в Париже и работая на радиостанции, приобрел как бы новую степень свободы. Правда, это ни в коей мере не умаляет личную траге-

дию изгнанного. Но аудитория у него ("Здравствуйте, дорогие знакомые и незнакомые...") стала обширнейшей. Он пробивался через запреты и глушилки. Он — исторически в который раз! — оказался сильнее механизма государства. Ведь оно не с человеком — Галичем прежде всего боролось, а с автором — Галичем. И эта загадочная смерть в парижской квартире будоражит страшными подозрениями.

"Александр Галич. Изгнание". Первый фильм о нем. И, безусловно, не последний. Ибо он — не запоздавшая (и разрешенная) дань возвращающейся памяти. Живут, "режут" по нервам и соведи песни Галича, его стихи. Он не присутствует в нашем сегодня, а участвует. Поэтому фильмы еще будут. Но этот — первый.

Необходимо сказать: эта картина очень... деликатная. Нечастое качество. Она деликатна и по отношению к своему герою, и по отношению к зрителям. Каждый штрих созданного портрета выписан бережно, с уважением. Нет деления кадров на главные — сопутствующие. Участники — равно значимы.

Построен фильм (если можно так сказать) по правилам застольной беседы. Просто собрались вместе близкие Галичу люди. Собрались для того, чтобы заняться абсолютно естественным для них делом — вспомнить о друге. Рассказывают о всевозможных случаях, встречах. И не важно, кто-то при этом — в Москве, а кто-то в Париже. И, конечно же, не может не звучать и его голос — песни, стихи, радиопередачи... Он звучит в них самих. А дверь в ту комнату открыта. И зрителя словно приглашают: "Присядьте, послушайте. Вот таким он был. Ведь вы тоже знаете и любите его песни, стихи? Ведь правда же?"

Пишу о фильме и понимаю, что меньше всего мне хочется обвинять причастных к его изгнанию. Ведь мы любим Александра Аркадьевича не потому, что ненавидим одних и тех же врагов — его и своих. Мы ненавидим их еще и потому, что преклоняемся перед его талантом художника

и человека. Потому что любим. То есть нас единит не ненависть, которая потом начинает называться как бы любовью, цементирующей это единство. Нет. Все изначально замешано на любви, "во любви" мы обретаем других и себя, и уже отсюда вытекает ненависть к палачам наших уз и идеалов.

Именно о любви и говорит фильм. О той, что направляла Галича всю жизнь "... на поиски доброго Бога". О той, которая спасение и боль. Помните? — "Возвращается боль, потому что ей некуда деться".

Не так давно мне подарили маленькую по формату книгу. На темно-малиновом переплете золотом: "Александр Галич. Возвращение". Названия ее и фильма антонимически перекликаются. Казалось бы: вот и подходящий вещественный символ торжества справедливости, на которое, по чьему-то горькому выражению, обычно просто не хватает человеческой жизни. Однако это не умиляет. Потому что факт изгнания сам по себе никогда не будет, не может быть компенсирован фактом возвращения. Последнее, как это ни скорбно сознавать, — лишь жалкий извинительный реверанс, признание очевидного. Изгнание вопиет, а не возвращение торжествует.

Долго листал книгу. Был соблазн подобрать эпиграф из стихов. Что-то выписывал, сопоставлял, примерял. Но подходящих строк не нашел. Вернее — их оказалось слишком много, и было невозможно что-либо прочесть. Время академического, литературоведческого анализа поэзии Галича еще, по моему, не пришло. Слишком "живет" в нас и вокруг все, о чем он писал. Отстраняться, аналитично размышлять пока невозможно. Наверное, поэтому в фильме не "размышляют" о его поэзии, не "оценивают" ее. Он, его жизнь, его песни и стихи, жизнь друзей и всей страны — все это неразделимо. С экрана отец Александр говорит: "Ведь он был внутри нашего бытия..."

...Неторопливая беседа. О любимом, о болящем не станут говорить обобщенно и суетно. Пре-

рываются послушать песню (их в фильме звучит около двух десятков) или стихи. Глуховатый голос. Особенная манера, даже талант быть для каждого, кто слушает, — интимным, своим. Неважно, в комнате ли, на концерте, перед радиоприемником сидят собеседники. Когда в фильме звучала его знаменитая передача для мамы, трудно было сдержать слезы. Признаться, только ли мне?..

Он отказался от благополучия ради правды, причем в очень невыгодное для нее время. Почему? Уверен, этим вопросом (часто — стесняясь, стыдась) задавались все. Ответом в картине звучат слова Елены Боннер: "И в какой-то момент талант становится сильнее инстинкта самосохранения"... А Николай Каретников вспоминает ска-

занное Галичем громко, без оглядки на слышавших: "Колька! Мы — великая страна! Так, как у нас оценивают поэзию, ее не оценивают нигде! У нас за стихи можно получить пулю! И я им не прощу! Я им не прощу ни Марину, ни Мандельштама, ни Заболоцкого..."

О чем этот фильм? Вопрос банальнейший, не умный, но... Могила Галича под Парижем, похороны Даниэля, митинг по выдвижению Сахарова в народные депутаты, видеозапись концерта Галича во Франции, Москва, Париж... Все это — о чем? Каждый, я думаю, просмотрев, ответит по-своему. Для меня эта картина о том, как в нашем разладившемся мире при потворствующем всеобщем молчании пытаются убить настоящую, большую, талантливую любовь, которая не сме-

ет и не может быть покорной. Любовь к людям. К истине. Которая унижения других принимает на свой счет.

"Я люблю вас, люди! Будтье доверчивы!" — это из его "Признания в любви". Из всех определений, которые можно дать Александру Аркадьевичу, на мой взгляд, самое емкое: "Человек свободный". Ибо в этом он неуязвим. "Я выбираю свободу быть просто самим собой".

И пусть последним абзацем будут слова Александра Галича, звучащие в фильме:

— Я по-прежнему продолжаю считать себя русским поэтом, который временно живет не в России. И я не уехал — меня заставили уехать на какое-то время, потому что я вернусь. Я всегда буду возвращаться...

В. СТОЛЬНИКОВ.

